

УДК 821.161.1 – 3.09

ЕЛЕНА АННЕНКОВА
(Київ)

ПРИНЦИП «ТАЙНОЙ ПСИХОЛОГИИ» И. С. ТУРГЕНЕВА В МАЛОЙ ПРОЗЕ Б. К. ЗАЙЦЕВА

Ключові слова: «таємна психологія», психологізм, прийом мовчання, пауза.

Творчество Бориса Зайцева совершенно правильно рассматривается литературными критиками и литературоведами в рамках продолжения им классической традиции русской литературы XIX века, в центре которой стояла проблема человека во всем многообразии ее решений и проявлений. Зайцев, покинувший Россию после революции, понимал, что в Советской России он никогда не сможет писать свободно. А свободный писатель и свобода творчества – это одни из главных заветов, воспринятых им от почитаемых им классиков. Свободный писатель пишет о свободном человеке. И у верующего Зайцева, даже у раннего, в произведениях звучат молитвы Богу, славящие Творца, и молитвы Богу за человека, созданного по образу Божьему. В статье «Пастернак о себе», появившейся в «Русской мысли» в 1959 г. и затрагивающей роман Б.Пастернака «Доктор Живаго», Зайцев пишет: «Человек – образ Божий, и это важнее того, каких он мнений, левых и правых» [3, с. 368]. В страстном обращении к молодежи России

и молодым русским писателям «Старые – молодым», созданным на склоне лет, писатель снова говорит о важности человеческого достоинства, о том, что личное и личностное дороже и ценнее каких-либо общественно-исторических процессов и задач. Зайцев по сути формулирует здесь свое писательское кредо свободного художника-гуманиста, созвучное всем временам и всем народам, несущим свой свет в Вечность: «Юноши, девушки России, несите в себе Человека, не угашайте его! Ах, как важно, чтобы Человек, живой, свободный, то, что называется личностью, не умирал. Пусть думает он и говорит своими думами и чувствами, собственным языком, не заучивая прописей, добываясь освободиться от них. Это не гордыня сверхчеловека. Это только свобода, отсутствие рабства. Достоинство Человека есть вольное следование пути Божию – пути любви, человечности, сострадания. Пусть будущее все более зависит от действий массовых, от каких-то волн человеческого общения <...> но да не потонет личность человеческая в движениях народных» [3, с. 372]. И дальше звучат слова, с настойчивостью повторявшиеся Зайцевым на протяжении всей его долгой творческой жизни, о необходимости следования высоким заветам классической русской литературы: «Вы, молодые писатели родины, вступающие на наш путь, оглядывайтесь на великих отцов ваших, создавших истинную славу России, на золотой наш литературный век, на облики Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова – художников вольного слова, открытого всем сердцам, ибо братски открыты были их сердца» [3, с. 372].

Борис Зайцев, внимательный и чуткий к человеку, естественно и органично продолжал традиции своих предшественников, которые выразительно проявились в области психологического мастерства писателя. Особенно обращают на себя внимание те принципы зайцевского психологического анализа, которые были унаследованы им от Тургенева. Имеются в виду близкие писательской манере Зайцева приемы «тайной психологии», пропущенные сквозь художественный опыт Чехова и адаптированные к особенностям зайцевского восприятия мира. Генетически «тайная психология» восходит к романтическому пониманию загадочности и непостижимости человеческой личности. Зайцев прекрасно понимал, насколько тонки, изменчивы, призрачны и неуловимы движения человеческой души. Часто сокрытые и едва понимаемые самим человеком процессы его внутреннего бытия еще менее поддаются осознанию и объяснению другим человеком. Уважение к тайне человека, загадочности его чувствований и зыбкости эмоций, понимание их объективной невыразимости приводили к постижению писателем тургеневских приемов молчания, воспринятых у Тургенева и А.П.Чеховым. Как утверждает Е.Тюхова, тургеневские достижения в области «тайной психологии» «инспирировали создание Чеховым совершенно оригинальной манеры психологического письма, которую называют «психологизмом подтекста», «скрытым», «замаскированным» или «косвенным» психологизмом, не находя исчерпывающего определения» [5]. Чеховские «подводные течения», когда высший онтологический и аксиологический смыслы уводятся в подтекст, чеховская многомерность художественного мира в соединении с элементами тургеневского психологического анализа трансформировались в творчестве «задушевного поэта» Зайцева, лирика по своей природе, в создание тех акварельных образов героев, окутанных земной печалью,

которые стали визитной карточкой Б.Зайцева. Робкие, смиренные, бредущие по жизни в поисках верного пути к вечной гармонии и к Богу, последние могоикане-интеллигенты – персонажи Зайцева открыты читательским интерпретациям и вызывают читательский эмоциональный отклик. Этот эффект достигается благодаря тому, что писатель предельно внимателен к своим героям, к их настроениям и душевным состояниям. Он умеет вдыхать в каждую человеческую жизнь частицу мирового бытия, «не описывая и не изображая жизни, он может раскрыть ее смысл, передать ее музыку» [4, с. 190]. Сделать это ему удастся, в том числе, и с помощью приемов стилистического молчания, красноречивой эмоциональной паузы, создающих лирически-психологический подтекст зайцевских произведений.

Обратимся к одной из самых совершенных и психологически законченных повестей Зайцева – «Аграфене». Образ главной героини этой «поэмы-симфонии» (Е.Колтоновская) Аграфены являет собой пример того безупречного мастерства писателя, когда ему удастся выразить мистериальность человеческой жизни, то состояние души, когда человек не просто проживает на свете, а сосуществует с миром, составляет с ним со-бытие. В образе Аграфены удивительным образом сочетаются два символично-психологических пласта, эпический и лирический. С одной стороны, Аграфена – простая крестьянка, твердо ступающая в широких лаптях по родной земле, на которой «пашет», не покладая трудовых рук, в поте лица своего, она обыкновенная женщина, переживающая присущие женской доле жизненные периоды и несущая свой безрадостный крест; но, с другой стороны, судьба Аграфены воспринимается как символ человеческой жизни, как символ человеческой души, обреченной скитаться на земле в страданиях и испытаниях, чтобы обрести успокоение в жизни вечной. Раскрыть глубину этой универсальной человеческой души сложно и вряд ли возможно, излишнее педалирование психологических процессов приведет к искажению и вульгаризации смысла. Тут срабатывают суггестивные приемы выражения тонких психологических настроений и переживаний. Светлую симфонию женской души можно раскрыть лишь легким касанием, целомудренным прикосновением к зыбким и легким ее струнам. Вот сцена, описывающая немногословный разговор молодой Груши с барином, в которого она была влюблена и о котором она тайно мечтала по ночам: «Молча сидели они под тихую жвачку Прахонного. И снова, как в ночных мечтаниях, вдруг охватила ее томная печаль. <...> Вы на лето опять приедете? – вдруг спросила она. Он не ответил, потом произнес: Может быть. «Может быть». А может, и нет? Груша молчала. Долго они сидели так, без слов, а потом вдруг теплые слезы, светлые и соленые, подступили ей к глазам. Он улыбался ласково, печально и гладил ее по затылку. Потом слабо поцеловал и встал» [2, с. 81]. Зайцев в разных вариациях употребляет слова, несущие семантику молчания, с помощью которых передается особенное настроение героев. Они практически молчат, потому что слова не нужны, безнадежность и нежность их отношений передается в теплых и светлых слезах Груши, понимающей, что он чужой и далекий, хотя и очень желанный человек. А его молчаливый уход говорит о деликатности молодого человека, беспомощного что-либо изменить в своем отношении к доброй девушке. Весь эпизод выдержан в спокойных тонах, интенсивность чувств при этом создается с помощью

выразительного лаконичного синтаксиса и той недосказанности, благодаря которой передается эмоциональное настроение бесконечной тоски Груши по любви и счастью. Ю.Айхенвальд верно заметил эту особенность стиля Зайцева, его умение сдержаться и недосказать, не проговорить до конца то, что не должно быть полностью обнажено: «Психологически-музыкальный, осторожный в своих словесных прикосновениях, Борис Зайцев скорее не договорит, чем скажет лишнее <...> он <...> вовсе не многословен, в то же время он не спешит и часто останавливается. Показательна в этом отношении одна внешняя деталь у него: знак остановки, знак препинания, запятую он ставит там, где грамматика на это его не уполномочивает. <...> На таких коротких расстояниях запятые как будто неуместны; но всякий почувствует, однако, что ими осуществляемые паузы – не пустоты, которых боится природа и искусство, а наполнены они каким-то душевным содержанием, имеют свой психологический смысл» [1, с. 529]. Так же немногословно и психологически точно выражает писатель и состояние Аграфены, охватившее ее на кладбище, когда после смерти старого Муньки сердце ее забило в тоске по любви: «На воротах кладбища не было ничего написано, но сразу другой воздух охватил; еще прозрачнее, суше, таинственней. Особенно деревья обольщали; о, как они замлели под белейшими ризами! Они рождали тишину и мир, холодный мир! <...> Аграфена бродила меж могил и чувствовала себя в странном, морозном раю; точно вся полегчала и опрозрачнела. <...> И вдруг в тишине снегов нежащее, острое виденье выплыло из глуби и наполнило ее сладкой болью. Назад с кладбища Аграфена возвращалась одна. Проходя по плотине мимо катка на пруду, осененного вязами, она увидела братца; он скользил уверенно и стройно на американских коньках, а перед ним, убегая, несясь, летела девушка в бархатной шапочке. Аграфена чуть приостановилась; затем продолжала путь. В воскресенье, с самого утра, Аграфена ощутила тоску» [2, с. 90]. Снова образ звучащей тишины возникает в этом отрывке, и снова он подчеркивает психологическое состояние героини, которая наедине с природой, в глубоком одиночестве, чувствует голоса иного мира. От них ей становится холодно, и они же вызывают у нее видения, которые чудным образом реализуются в образе летящей на коньках девушки, любимой юным «братцем». Так в сердце Аграфены, в глубинах ее подсознания рождается ощущение тоски, смертной тоски по плотской любви, желание быть любимой так, как любят эту молодую девушку. Эмоциональное состояние героини, созданное на уровне едва уловимых намеков, лежащих в подтексте зайцевского словесного выражения, передается читателю, который проникается глубиной ее переживаний и сострадает ей.

Зайцев пытается фиксировать мельчайшие изменения внутренних состояний героев, но наружу выходят, как и у Тургенева, лишь конечные результаты душевных движений. Вот сцена разговора Панурина и Кати, героев рассказа «Мать и Катя», оказавшихся в тургеневской ситуации нереализованной, но возможной любви, если бы... Этих «если бы» было всегда так много в произведениях Тургенева и Зайцева. В летний жаркий день, располагающий к нежной истоме, герои пристально смотрят друг на друга. Он – «с некоей нежностью», она – «пристально», слегка поглаживая его руку:

– А сама все смотрит, смотрит!

Катя вздохнула.

– Если неприятно, я не буду.

Панурин ответил серьезно:

– Мне, Катерина Михайловна, то не может быть неприятно.

Она улыбнулась ласково и задумчиво, одними глазами.

«Этот взгляд влюбленной девушки», – подумал Панурин, и легкая гордость прошла по нем. Затем, внезапно сердце его несколько защемило. Он тоже вздохнул.

Катя поднялась, встала перед ним и взяла за руки.

– Ну, что с вами? – спросила она тихо, глухо и нежно. – Почему изменились?

– Ни-ичего, не изменился. Он тоже встал.

– Пойдемте лучше сы-граем до чая в теннис. Один сет.

Катя покорно опустила голову» [2, с. 261].

Зайцев стремится зафиксировать мгновенные изменения в настроениях героев, и ему это удается, так точно он подбирает немногие нужные слова. Но одновременно с этим чувствуется, что за этими словами скрываются бездны человеческих эмоций, прожитых и пережитых волнений, которые не высказать и не объяснить, ведь что нашло на героя, что отразилось в нем неуловимым образом, писателем не проговаривается. Так Зайцев усиливает ощущение недосказанности, зыбкости и неустойчивости человеческих чувств и ощущений. Что-то тайное, невыразимое быстро коснулось сердца Панурина, он не может объяснить это Кате, но и он, и она ощущают, что слова бессильны изменить что-либо в их судьбах и в их отношениях. Покорно склоненная голова Кати и его желание переменить разговор говорят сами за себя. Так создается психологический подтекст, маркирующий и состояние героев, и формирующий их жизненную ситуацию.

В схожем положении оказываются и герои «Голубой звезды», состояние которых писатель также стремится передать с помощью целомудренной остановки перед тонким эфиром души героев. Христофоров и Машура соединены чувством взаимной симпатии, склонной перерасти в нечто более глубокое и серьезное. Осматривая древний монастырь, они высказывают мысли, свидетельствующие о том, что их многое объединяет. Но, строя характер Христофорова на едва уловимых нюансах, открывающих его смиренную и тихую душу, писатель не изменяет своему стилю. Без каких-либо объяснений Алексей Петрович решает покинуть гостеприимную дачу Вернадских, т.е., попросту хочет бежать от возможного развития своих чувств к Машуре, тем самым пресечь и ее фантазии. Это его желание напоминает исполненное намерение Дмитрия Инсарова бежать от Елены, любовь к которой охватила все его существо. Но в отличие от Инсарова, молча исполняющего свое решение, Христофоров вынужден предупредить о нем своих друзей: «А остаток лета придется мне проводить в Москве.

Машура несколько задохнулась.

– Вы ... наблюдатель... созерцатель... вам все равно, где, с кем жить. Следите за переживаниями... Что же, вам виднее.

Христофоров ответил тихо и очень сдержанно:

– Я уезжаю не потому, что я наблюдатель.

Машура пожала плечами.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Прав – я, – ответил Христофоров, мягко, как бы с грустью. – Поверьте!» [2, с.333]. Так, внутреннее состояние героя передается через выразительные, скупко подобранные слова одного семантического поля (тихо, сдержанно, мягко), рисуящие психологический портрет персонажа. Понимая, какие струны его души затронула эта тонкая и умная девушка, и чувствуя, что любовь между ними не возможна в силу особенности его натуры – прекрасно лишь то, что недостижимо и не реализуемо, Христофоров знает, что необходимо удалиться, при этом он испытывает свою обычную грусть, красноречиво говорящую читателю о чем-то таком, непостижимом и весомом в его душе, что нельзя высказать, можно только ощутить. Зайцев делает целомудренную остановку перед тайнами его сердца, которые не выговариваются до конца даже в более откровенной беседе между Христофоровым и Машурой, когда они оба окончательно осознали невозможность земной любви между ними. Тогда ночью горько плакала у себя в постели Машура, а Христофоров, «не раздеваясь, долго лежал на том самом диванчике, где она сидела. Сердце его раздиралось нежной и мучительной грустью» [2, с. 374]. Так лаконично и выразительно, проникая в самые потаенные переживания героев, Зайцев передает с помощью стилистического молчания душевное состояние своих персонажей, интерпретировать которое волен каждый читатель. Исходя из романтической установки неприкосновенности тайн человеческого сердца, писатель воздушными линиями очерчивает их психологию. Как выразился любимый Зайцевым русский романтик В.А.Жуковский, «все необъятное в единый вздох теснится // И лишь молчание понятно говорит...» («Невыразимое»).

В рассказе «Спокойствие» наряду с жизненной историей Константина Андреевича развивается короткая сюжетная, но значительная смысловая линия юного рыцаря-романтика Феда, пламенно влюбленного в замужнюю женщину Туманову. Между ними происходит разговор, весь построенный на приеме молчания, целомудренной недосказанности, которая способствует как раз яркой выраженности того глубинного и таинственного, что может быть понято только двумя единственно близкими в мире людьми. С некоторыми сокращениями приведем происходящий между влюбленными диалог: «Федя с Тумановой забрели в закоулок, откуда не было выхода.

– Плен, – сказал Федя. – Некуда. – И засмеялся. <...>

– Вы влюблены в меня? Ах, как вы любите! Я знаю. И ваш друг ко мне враждебен. Все равно.

Федя не отвечал.

– А вам жить очень нравится?

– Да, – сказал Федя твердо. – Если...

– А «если» – нет?

Федя молчал. Она поняла.

– А за меня... Впрочем, нет... не надо.

Вдруг она поблекла.

– Уходите лучше. Вдыхайте. Вы молитесь, наверно, любите? (Насмешка.)

Федя подошел на шаг.

– Я вас люблю. И... – мы должны вместе быть. Кто б тут ни был, что бы... Я знаю, – почти крикнул он, но тихим голосом, – моя жизнь у вас.

Она подняла глаза, потом зажмурилась.

– А в канал прыгнешь? (Это шепотом.)

Федя придвинулся.

– Мне выбора нет.

Она нагнулась – обняли его две руки, мягко повисли на нем; он понял: этого она не могла сказать» [2, с. 117-118]. В этом эпизоде с помощью суггестивных пауз, музыкально-эмоциональных длиннот, интонационно-синтаксических многоточий и незаконченных, отрывистых фраз создается напряженное, как бы на последней грани, острое душевное состояние героев: тут их молчаливое понимание друг друга, молчаливо-кричащее признание в любви, молчаливо-страстное согласие на преодоление любых преград на пути к соединению их сердец. Тихо, шепотом или молча, через жесты (мягкое объятие, зажмуренные от чересчур сильного света любви Феде и своей собственной глаза женщины) передаются конечные фазы процессов, происходящих в подсознании героев. Фраза «в канал прыгнешь?» и безапелляционный ответ Феде, сопровождающийся безмолвным последним объятием, эмоционально готовят читателя к трагической развязке, которой освятится любовь героев, уже готовых в тайниках своей души принять смерть ради любви.

Стилистический прием недосказанности Зайцев доводит до совершенства, используя его и в финалах своих рассказов. Их своеобразная недоговоренность, смысловая многозначительность подчеркивают бесконечность человеческих исканий смысла жизни, позволяют домыслить читателям истории героев, а также выразительно говорят о тех таинственных и закрытых процессах, которые происходят в человеческой душе. Лирической и психологической недосказанностью, оставляющей простор для эмоциональных переживаний, отмечены такие рассказы Зайцева, как «Смерть», «Сестра», «Актриса», «Изгнание», «Заря», «Путники», «Странное путешествие» и многие другие. Так, в «Смерти», заканчивающейся неожиданной и безмолвной кончиной главной героини Надежды Васильевны, излишни слова, которыми не выразить причин, вследствие которых умерла эта женщина. То сокровенное, что произошло в ее душе, когда она простила измену мужу и внутренне примирилась с его любовницей и внебрачной дочерью, неуловимо и неприкосновенно. И одному Богу дано знать, когда пришел час человека покинуть этот мир. В других рассказах писатель оставляет своих героев на пороге каких-то неведомых им самим событий и предстоящих изменений, и такая романтическая неизвестность и закрытость их будущих судеб является приметой зайцевской прозы.

Таким образом, можно утверждать, что Б.Зайцев унаследовал и творчески развил традицию тургеневской «тайной психологии». Это проявилось в использовании писателем психологических приемов молчания, недосказанности, эмоционального намека, выразительности жестов и мимики персонажей, создающих особый лирически-философский подтекст его произведений. Влияние тургеневского опыта на совершенствование психологизма Зайцева было решающим и плодотворным, что подтверждается проведенным анализом художественной прозы писателя.

ЛІТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. Борис Зайцев / Ю. Айхенвальд // Осенний свет : повести, рассказы / Б. К. Зайцев. – М. : Сов. писатель, 1990. – С. 521–530.
2. Зайцев Б. К. Осенний свет : повести, рассказы / Б. К. Зайцев ; [сост., вступ. статья и примечания Т. Ф. Прокопова]. – М. : Сов. писатель, 1990. – 544 с.
3. Зайцев Б. К. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 9 (доп.) : Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии / Б. К. Зайцев. – М. : Русская книга, 2000. – 560 с.
4. Колтоновская Е. Поэт для немногих / Е. Колтоновская // Зайцев Б. К. Собрание сочинений : в 11 т. / [сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов]. – М. : Русская книга, 2001. – Т. 10 (доп.) : Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. – С. 187–195.
5. Тюхова Е. В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи / Е. В. Тюхова // Спасский вестник. – 2005. – № 12. – Режим доступа : <http://www.turgenev.org.ru/e-book/vestnik-12-2005/tuhova.htm>

ЕЛЕНА АННЕНКОВА

ПРИНЦИП «ТАЙНОЙ ПСИХОЛОГИИ» И.С.ТУРГЕНЕВА В МАЛОЙ ПРОЗЕ Б.К.ЗАЙЦЕВА

Статья посвящается изучению основных векторов наследования Б.Зайцевым приемов психологического анализа И.С.Тургенева; в ней прослеживаются ведущие черты психологического рисунка художественных произведений русского писателя XX века, продолжателя традиций классической русской литературы.

Ключевые слова: «тайная психология», психологизм, прием молчания, пауза.

ELENA ANNENKOVA

TURGENEV'S «SECRET PSYCHOLOGY» PRINCIPLE IN B.K.ZAITSEV'S SHORT PROSE

The article studies the main vectors of the inheritance of Turgenev's psychological analysis manner by B.Zaitsev; traces the leading features of the psychological picture of the 20th century author's artistic works in traditional for classic Russian literature manner.

Key words: «secret psychology», psychological analysis, silence method, pause.

Одержано 26.10.2010 р., рекомендовано до друку 22.02.2011 р.